

ГЛАВА 1

Бесконечные сумерки и плеск волн за бортом — вот и все, что их окружало. Не стало ни дня, ни ночи, дни слились в череду похожих друг на друга часов, и лишь свет артефакта, установленного на носу корабля, рассеивал мрак и дарил подобие надежды.

Ромэйн тошнило. Она боролась с тошнотой каждое мгновение и проклинала себя за то, что оказалась неподготовленной к такому долгому плаванию. Ее кожа шелушилась из-за морской соли, губы потрескались, но хуже всего было постоянное жжение в животе, порой превращавшееся в странную пульсацию.

— Что ты здесь делаешь?

Она присела на деревянный ящик рядом с Латишем, надеясь, что свежий воздух поможет справиться с тошнотой.

— Ты позеленела, малышка, — Латиш ухмыльнулся. — Это от качки или от стряпни кока?

— Не помню, когда я ела в последний раз, — призналась Ромэйн.

— Тебе нужна вода. Если не можешь есть, хотя бы пей. Можно?

Латиш, которого они встретили на раскопках, не стал бы утруждать себя получением разрешения, но уже несколько дней со зверомагом что-то происходило: он стал сам не свой, перестал хохотать и все чаще задумчиво бродил по палубе, вглядываясь в окруживший корабль мрак.

Ромэйн кивнула, и Латиш положил ладонь на ее живот. Она заметила странные белые наросты на его коже и открыла было рот, чтобы задать вопрос, но зверомаг опередил ее:

— Твое нутро горит. Это плохо.

— Что это значит?

Его пальцы изучающе прошлись по ее впавшему животу.

— Камень ест тебя. Он голоден, — наконец ответил Латиш. — Твой крылатый друг должен тебя покормить. Не смотри так, не я виноват... Ну, частично я, но...

Вздохнув, Ромэйн обхватила себя руками.

— А с тобой что? — спросила она.

— Не понимаю, о чем ты.

— Наросты. Что это?

Скривившись, Латиш ответил:

— Пришла пора вернуться в истинный облик.

— Ты ведь не превратишься в дракона прямо здесь?

— С чего ты взяла, что... Ты действительно думала, что я родился огромной чешуйчатой тварью? — Латиш посмотрел на Ромэйн так, словно она была ребенком, не понимавшим очевидных вещей. — Зверомаги рождаются в человеческой форме.

— Откуда мне было знать? Еще недавно я была уверена, что ваш народ — это выдумка, старая легенда.

— В каждой легенде есть доля правды.

— Ты так и не ответил. Что с тобой происходит?

— Ужасно прилипчивая девчонка... — пробормотал Латиш. — Я использовал старую технику изменения человеческого облика, чтобы подобраться к тебе, не привлекая внимания. Заклинание почти потеряло силу, и скоро вы увидите меня настоящего. Даже жаль, я привык к этой крысиной физиономии...

— Это опасно? С тобой может что-то случиться?

Ромэйн не доверяла Латишу, но терять такого могущественного союзника точно не хотела.

— Я стану уязвимым. На какое-то время, — неопределенно ответил он. — Мне придется переродиться. Буквально.

— Буквально?..

Латиш поднял лицо к небу, затянутому клубящимся серым маревом, и долго молчал, прежде чем ответить.

— Вы поймете, когда процесс начнется. Меня нужно будет спрятать подальше и просто оставить в покое. — Латиш повернулся к Ромэйн и проникновенно добавил: — Я доверяю тебе свою жизнь, маленькая прилипчивая девчонка.

Его шершавые руки сжали ее ладони, а глаза наполнились мягким теплым сиянием.

— Последний дракон будет зависеть от тебя, дочь Наполненных Чаш. И если ты сбережешь его жизнь, ты получишь то, о чем не смела даже мечтать.

Ромэйн казалось, что даже голос Латиша изменился — стал глубже, ниже, в его речи появились экзотический акцент и выразительная «р». От плута, который крал чужой хлеб и плевался за столом, не осталось ни следа. Сияние странных нечеловеческих глаз притягивало, ими на нее смотрело существо, с мощью которого не могли справиться даже демоны Фаты.

— Я позабочусь о тебе. Клянусь, — выдохнула Ромэйн.

— Ты умеешь принимать правильные решения.

Иллюзия рассеялась: перед ней снова был хорошо знакомый плут, ковыряющий ногтем в зубах.

— Твои манеры...

— Мы плывем на пиратском корабле, справляем нужду в ведра и спим в крошечных каютах друг на друге. Ты действительно хочешь рассказать мне о манерах? — промурлыкал Латиш.

— В истинном облике ты такой же противный? — не сдержавшись, выпалила Ромэйн.

— Еще хуже. Но, поверь мне, тебе понравится.

Спрыгнув с ящика, Латиш отвесил шутовской поклон, а после схватил ее за руку и оставил на тыльной стороне мерзкий влажный поцелуй.

— Я сила, с которой считаются даже демоны. — Его голос снова стал серьезным. — Цени то, что я на твоей стороне, и я отвечу тем же.

Расплывшись в идиотской улыбке, Латиш выпрямился и пошел прочь, насвистывая нескладную мелодию.

Проводив его взглядом, Ромэйн потеряла переносицу, пытаясь упорядочить мысли, но ее одиночество было прервано появлением Халахэля.

Вернее, его запаха.

Мускус. Он пах как животное.

Тряхнув головой, Ромэйн подняла взгляд и разглядела в ставшем вечным полумраке его фигуру, застывшую у фальшборта. Пираты дали ему одежду, и даже это безобразное тряпье он умудрялся носить с гордостью. Ветер трепал длинные волосы, собранные в низкий хвост, и доносил до Ромэйн тот самый звериный запах.

Жжение в животе стало нестерпимым, Ромэйн согнулась и зашипела, обхватив себя руками. Пульсация заглушала стук сердца в ушах, перед глазами плыли черные кляксы.

Ей пришлось рассказать о проглоченном камне и своему небольшому отряду, и капитану корабля. Фария решила не посвящать в тайну Мориона команду, но сама приняла новые сведения о Ромэйн стойко. Мирай и вовсе лишь сдержанно кивнул.

Теплая рука легла на ее плечо, пытаясь успокоить, но стало только хуже: кости затрещали, на кончиках пальцев проклюнулись когти. Капли крови упали на палубу, Ромэйн зарычала сквозь сжатые зубы и прижала кровоточащую ладонь к груди.

— Прекрати истязать себя. — Хэль присел перед ней на корточки и заглянул в лицо. — Если ты голодна, ты можешь просто попросить меня поделиться кровью.

— Это неприятно, — прошипела Ромэйн.

— Брось. Это *очень* приятно.

Она раздраженно сбросила его ладонь.

— Люди не пьют кровь.

— Ты не человек. Больше нет. — Хэль вздохнул. — Придется смириться с этим, маленькая леди. Такова плата за силу.

— Я не охотилась за этой силой.

— Но заплатить за нее придется тебе. — Он пожал плечами и подпер щеку кулаком, задумчиво разглядывая Ромэйн. — Тебя ждет война. Демонический камень поможет тебе победить. Если ты его покормишь.

— А если нет?

— Тогда он съест тебя. В мире демонов все... просто. Ты или охотник, или добыча. Или тот, кто пожирает, или тот, кого пожирают. — Его глаза источали мягкое алое сияние. — Не будь добычей, Ромэйн. Ты выше этого.

Она смотрела в его открытое лицо, но видела морду демона: чудовищную пасть, вертикальные прорези ноздрей...

— Я не так уж уродлив.

— Прости.

Легко поднявшись, Хэль склонился над ней и медленно стер выступившие на ее лбу капли пота рукавом грубой рубашки. Без спешки, но и не мешкая, словно это самое естественное действие. Его запах мешал Ромэйн сосредоточиться на собственных мыслях.

— Они возвели третий Столп.

Вздвогнув, она подняла взгляд и уставилась на Халахэля.

— И чем нам это грозит?

— Новыми неприятностями. Полагаю, жрицы попытаются призвать кое-кого сильнее генералов, но, так как мы пока не можем повлиять на это, вернемся к Мориону. — Он втянул воздух сквозь сжатые зубы и промурлыкал: — Я сделаю все, чтобы ты чувствовала себя... хорошо. Не дай камню победить. Он с удовольствием поглотит тебя, твоя сущность смешается с сущностью Тет, и в этой безусловно скверной компании тебе придется ждать того, кто будет настолько глуп, что попытается впитать вашу общую мощь.

— Общую мощь? Я всего лишь человек, Хэль. Поглотив меня, камень не станет намного сильнее.

— Ты человек, который не превратился в кровавую кашу, поглотив сущность демона.

— Только благодаря татуировкам.

— Они в порядке?

Не дожидаясь ответа, Хэль обхватил запястье Ромэйн и медленно поднял рукав, обнажая переплетения черных и красных узоров.

— Хорошо зажили, — выдохнул он.

Подушечка его пальца скользила по размашистым линиям, время от времени прижимаясь к коже сильнее. Ромэйн следила за ним взглядом и молчала: ее так сильно тошнило, что она боялась открыть рот.

— Всего пара глотков, маленькая леди... — Голос Халахэля вдруг прозвучал у самого уха. — Ты ведь хотела победить, м?.. Хотела отомстить за семью... Хотела...

— Я помню, — резко прервала его Ромэйн. — Если ты думаешь, что я могла забыть, то...

— Не отвлекайся.

Сжав ее подбородок, Халахэль заставил Ромэйн смотреть на него.

— Или убей, или умри, маленькая леди. Я видел много войн и могу уверенно сказать, что слабакам на поле брани делать нечего. Самые смелые мужчины мочатся в штаны, когда видят орды демонов, готовые выпотрошить их. А я, кстати, не хочу, чтобы тебя выпотрошили. — Он наклонился еще ниже. — Ты ведь уже пила мою кровь...

— И мне не понравилось!

— Я думал, что у тебя хороший вкус.

— Прекрати.

— Нет-нет, я искренне оскорблен. — Хэль тихо рассмеялся. — Мне говорили, что я довольно аппетитный.

— Ужасный комплимент, — пробормотала Ромэйн, но не предприняла попытки освободить подбородок из его пальцев.

— Ты обязательно распробуешь. Особенно когда доберешься до самых глубин.

Их взгляды встретились, и Ромэйн почувствовала довлеющее присутствие его сущности.

— Ты позволишь мне?..

— Тебе нужно полноценно питаться, маленькая леди. Кровь — отлично, но несовершенно. Если ты собираешься выступить против Черной Матери и генералов, тебе потребуется куда больше сил, чем ты думаешь.

— Какая сущность демона на вкус? — осторожно спросила она.

Хэль задумчиво провел языком по губам, словно вспоминая.

— Сомневаюсь, что в Упорядоченном есть что-то, способное хотя бы отдаленно передать этот вкус. Это... как возвращение домой. Как отдых после тяжелого дня. Как любовь, растекающаяся по языку.

С каждым словом сияние его глаз становилось ярче. Внутренности Ромэйн болезненно пульсировали.

— Ты очень голодна. Прости, но я вынужден настоять на своем.

Обхватив ее талию руками, Халахэль снял Ромэйн с ящика, поставил на ноги и мягко подтолкнул в спину.

— Вперед, маленькая леди. Не стоит шокировать смертных этим зрелищем. К тому же я должен нанести на твою кожу новые узоры.

— У тебя есть иглы? — Ромэйн нехотя подчинилась и направилась к внутреннему трапу, ведущему на каютную палубу.

— Ты на пиратском корабле, воробушек. — Хэль тихо рассмеялся. — Когда я спросил об этом, мне принесли три набора красок и игл и даже предложили обучить островной технике нанесения.

— И ты научился?

— Скажем так: я помог беднякам осознать, насколько плохи их навыки. Надеюсь, они не сбросят нас в море из-за задеготого самолюбия.

Ромэйн посмотрела на Хэля через плечо, и он фыркнул.

— Все в порядке, они поблагодарили меня за урок. Даже пираты принимают мою помощь, маленькая леди. — Он склонился и прошептал ей на ухо: — А ты продолжаешь упрямиться.

— Пираты не знают, кто ты. — Ромэйн провела ладонью по шее, прогоняя мурашки.

— Поверь, знай они, кто я, они бы принимали помощь еще охотнее. — Он распахнул перед ней дверь. — Подобные проходимцы знают цену всему, особенно знаниям.

Запах мокрой древесины и давно не стиранной одежды отвлек Ромэйн от звериного аромата, исходившего от Хэля, и сознание немного прояснилось. За грубыми дверями отдыхала команда, решившая, что ночь должна быть именно сейчас. На самом деле никто не знал, солнце на небе или луна: проклятое непроглядное марево затянуло небо и превратило его в бурлящую, тревожащую душу массу. Эта масса пульсировала, в ней изредка вспыхивали молнии, и Ромэйн порой казалось, что небо поглотило *что-то живое*.

Она вошла в крошечную каюту и села на край койки.

— Сейчас вернусь.

Халахэль делил каюту с Барнишем и Ливром. Оба мужчины легко влились в пиратскую команду и частенько шутили о том, что останутся на корабле под командованием Фари. И если они с удовольствием выполняли поручения капитана и даже согласились сбрить по ее просьбе бороды, то Мирай...

Ромэйн не могла считать его другом: молчаливый и скрытный, Мирай не спешил ни с кем сблизиться после побега с места раскопок, а взойдя на борт корабля, и вовсе превратился в безмолвную тень.

— Надеюсь, ты думаешь о том, как утолить голод камня.

Хэль сел рядом, придвинул шатающийся стул и начал раскладывать на нем склянки с краской и...

— Что это? — Ромэйн прищурилась.

— Животный жир. — Хэль пожал плечами. — Это для лучшего проникновения краски.

— А если на нас нападут? Эти раны не помешают...

— Во-первых, маленькая леди, это скорее ожог, а не рана. Во-вторых, после того, как ты поешь, все заживет.

— Как удобно... — пробормотала Ромэйн, нехотя закатывая рукав.

— Так о чем ты думала? Не смотри на меня с таким видом, беседа просто отвлечет тебя от боли.

Помявшись, Ромэйн призналась:

— Мне кажется, Мирай чувствует себя ужасно.

— Ты удивительно наблюдательна.

— Если ты собираешься издеваться...

— Издеваться? Я? — Хэль обхватил ее запястье и поднес руку к своим губам. — Никогда, маленькая леди.

Он бегом поцеловал костяшки ее пальцев и взялся за иглу.

— Между ним и Фарией... Ай!.. — Ромэйн отдернула руку: первый укол иглы с костяной ручкой оказался довольно болезненным.

— Прости. Сейчас.

Алый туман его сущности за клубился у ног Ромэйн. Он медленно поднимался выше, пока не достиг ее лица.

— Ты пытаешься меня одурманить? — Она взмахнула рукой, рассеивая дымку.

— А у меня получается? — Хэль усмехнулся. — Успокойся, маленькая леди, вдохни глубже. Это уменьшит боль.

— Я могла потерпеть.

Он нахмурился.

— Тебе не нужно терпеть, если я рядом. Дыши, Ромэйн.

Нехотя подчинившись, она вдохнула сущность Хэля и почувствовала легкое головокружение, которое тут же прошло. Касания иглы стали не такими острыми, сведенные напряжением мышцы расслабились.

— Мы делаем это перед боем, — тихо сказал он, не отрываясь от работы. — Вдыхаем сущность друг друга, чтобы не чувствовать боли.

— Но это опасно. Если человек не чувствует боли, он может не заметить, что его серьезно ранили.

— Мои раны быстро затягиваются.

— А смертельные?

— Если мне вырвут сердце, неважно, почувствую я это или нет. — Халахэль хмыкнул. — Или если мне оторвут голову... Хм, так что там между Фарией и загадочным юнцом с архипелага?

— Понятия не имею. Но точно ничего хорошего. — Ромэйн вздохнула. — Мирай ее избегает, а она, напротив, ищет встречи.

— Ваш мир вот-вот разорвет на куски армия демонов, а они ведут себя как идиоты, — ты это хочешь сказать?

— Вовсе не...

— Только не пытайся им помочь. Пусть найдут в себе смелость поговорить откровенно.

— С чего ты...

— С того, маленькая леди, что ты только и делаешь, что пытаешься всех спасти. Но это не твоя история. — Хэль оторвался от кровоточащего узора и посмотрел на Ромэйн. — Не трать силы на мелочи.

— Чувства — это не мелочи.

— О, поверь мне, я знаю. — Он усмехнулся, и по спине Ромэйн поползли мурашки. — Ваши сердца колотятся. Ваши ладони потеют. И вот здесь... — Его ладонь легла на центр ее груди. — Мучительная тянущая боль, будто напоролся на шип. И этот шип не вынуть. Рана пульсирует и ноет. Рана, которую не исцелить даже кровью демона.

В горле пересохло. Ромэйн склонилась к нему и тихо спросила:

— Она заставляет тебя чувствовать это?..

Хэль дернулся, словно она его ударила. Нахмурившись, он вернулся к татуировке и долго молчал.

— Не это, — неожиданно выдохнул он. — Она заставляет меня чувствовать вещи намного хуже шипа в груди.

Игла продолжала вбивать краску глубоко под кожу Ромэйн, руки Халахэля не дрожали, но сущность, клубившаяся вокруг, изменилась. В каюте стало холодно.

— Этот проклятый миг... — прохрипел Хэль, не отрывая взгляда от узора. — Миг, когда она в твоих руках, но не принадлежит тебе.

Ромэйн не знала, что сказать. Трое избавили ее от мук любви — даже жених, выбранный отцом, так и не тронул ее сердца.

Атео... Каким бы ублюдком он ни был, убивать его она не имела права.

Стиснув зубы, Ромэйн уставилась на узоры, над которыми трудился Халахэль. Смешение красного и черного — смелые штрихи, словно нарисованные кистью художника.

— Красиво.

— В краске моя кровь.

— Обязательно напоминать об этом?

Хэль усмехнулся и сказал, не поднимая головы:

— Я под твоей кожей, маленькая леди. Смирись с этим.

Он потянул ее на себя, и Ромэйн подалась вперед, почти уткнувшись носом в его шею. Сущность обвила ее ноги, поднялась сперва к коленям, затем к груди. Браслеты на руках Хэля позвякивали, когда он нежно касался ее спины.

— Расслабься... Вот так... Дыши.

Ромэйн вдыхала его сущность и ощущала, как прорезаются клыки. Приглушенная боль, вкус собственной крови во рту... Осоловело моргая, она пыталась прийти в себя, но не могла.

— Моя сущность уже в тебе. — Его пальцы перебирали короткие волосы на ее затылке. — Возьми остальное. Не дай Мориону разрушить твоё хрупкое тело.

Десны чесались. Животный запах тела забил ноздри, а вкус... Хэль был прав: вкус сущности оказался не сравним ни с чем.

Бьющаяся жилка под кожей — Ромэйн с трудом сфокусировала на ней взгляд. Рот наполнился слюной, нутро свела сладкая судорога.

— Кусай... — Халахэль нежно надавил на затылок, прижимая губы Ромэйн к солоноватой коже. — Это просто: вонзи клыки, голод сделает остальное.

Словно в бреду, она вцепилась в грубую ткань его рубашки и, повинаясь дикому инстинкту, провела языком по манящей вене на шее. Пальцы Хэля впились в ее бедро, его хриплое дыхание опаляло ухо.

Она укусила. Без промедления, без раздумий — вонзила клыки в плоть, и на мгновение ей показалось, что она захлебывается кровью, хлынувшей из раны. Горячий горький поток спускался по горлу и дальше, опалая внутренности.

— Да... Вот так...

Голос Халахэля заглушал грохот ее собственного сердца.

— А теперь... Впейся глубже. Позови меня, Ромэйн. *Настоящего* меня. Мою сущность.

Ей показалось, что в грудь вонзился раскаленный кинжал, но спустя мгновение агония превратилась в пульсирующий очаг болезненного удовольствия. Что-то густое хлынуло в рот, забило ноздри; оно не было похоже на кровь, не было похоже вообще ни на что знакомое.

Хэль издал звук, напомнивший урчание огромного животного. Его пальцы сильнее впились в ее кожу, другой рукой он прижимал голову Ромэйн к ране так отчаянно, будто от этого зависела его жизнь.

— Пожалуйста...

Она открыла глаза и попыталась отстраниться, но он сжал ее с такой силой, что стало по-настоящему больно.

— Хэль... Хэль! Хватит!

Услышав ее крик, он резко разжал руки. Ромэйн тут же вырвалась и отползла на противоположный край скрипящей койки.

— Проклятье... — Хэль затряс головой, будто пытаясь сбросить наваждение.

Рана на его шее уже затягивалась, но по рубашке расплзлось уродливое пятно. Когда он поднял голову, Ромэйн увидела лихорадочный румянец на его щеках и нечеловеческие зрачки, расширившиеся настолько, что алая радужка почти исчезла.

— Я причинил тебе боль? — хрипло спросил он.

Ромэйн медленно покачала головой.

— Ты лжешь. — Халахэль горько усмехнулся. — Прости. Давно забытое ощущение.

— Это было... приятно?

Взгляд подернутых дымкой желания глаз переместился к лицу Ромэйн. Хэль молчал. Думал. А спустя несколько мгновений медленно ответил:

— Да, маленькая леди. Я ведь рассказывал тебе: питание — это очень... личное.

— Не в нашем случае, — тут же выпалила она.

— Как скажешь. — Он пожал плечами.

— Только кормление. Ничего больше, — настойчиво добавила Ромэйн.

Он резко подался вперед, схватил ее за руку и притянул к себе. Его глаза, казалось, пульсировали от едва сдерживаемых чувств.

— О, вот тут ты ошибаешься. Как бы тебе ни хотелось, чтобы это было «только кормлением», для меня... Для меня это значит больше, чем ты можешь вообразить. Это моя природа, Ромэйн. Если я делюсь своей сущностью, значит...

— Доброе утро?

В каюту заглянула опухшая после сна Фария. Ее взгляд метнулся к руке Халахэля, сжимающей запястье Ромэйн.

— Мне стоит достать кинжал? — прямо спросила капитан. Ее темные брови сошлись над переносицей.

— Нет. — Хэль выпрямился и разжал пальцы.

— На этом корабле уважают женщин. — Фария все же достала кинжал и ловко подбросила его. Тяжелая рукоять с глухим хлопком ударилась о ладонь, когда она его поймала. — И если ты решишь распускать руки, я отрежу все, чем тебя наградили Трое, пока ты будешь спать.

Глаза Ромэйн распахнулись от удивления, а Халахэль, напротив, прищурился. Его рот искривила усмешка.

— Я никогда не причиню ей вреда, — медленно сказал он.

— Капитан.

— Что?

— «Я никогда не причиню ей вреда, *капитан*».

Фария прислонилась плечом к косяку, но Ромэйн видела, что ее поза лишь обманчиво расслабленна. За годы, проведенные

среди Железных Ласточек, она научилась определять, когда женщина становилась *действительно* опасной.

— Не люблю таких, как ты. — Фария разглядывала Халахэля так внимательно, будто видела его истинный облик сквозь маскировку.

— Таких, как я? — Он откинул волосы за спину и с интересом смотрел на капитана.

— Мужчин, которые думают, что имеют право хватать за запястья.

— Он не сделал ничего дурного. — Ромэйн наконец решилась вмешаться.

— Мы только избавились от одной агрессивной сторожевой... — начал было Хэль, но Ромэйн тут же выпалила:

— Подумай, перед тем как оскорблять Фэй.

— Она бросила тебя.

— Я лгала ей.

В каюте, казалось, вот-вот разразится гроза. Но катастрофы не случилось — за спиной Фарии появился Латиш.

— Вы так орете, что я не могу спать, — лениво протянул он.

— Пора бить в колокол и поднимать команду. — Взгляд Фарии наконец оторвался от лица Халахэля.

— Можно я ударю в него? Обожаю шуметь и портить всем настроение! — Латиш взял капитана под руку и потянул ее к внутреннему трапу.

Прежде чем отойти от двери, он обернулся, и Ромэйн увидела в его взгляде немой вопрос. Она покачала головой, губы Латиша растянулись в уродливой щербатой улыбке, и вскоре их с Фарией шаги стихли.

— Прости.

Стоило им остаться наедине, как плечи Хэля опустились, а напускная бравада исчезла. Он запустил пальцы в волосы и тихо продолжил:

— Кормление делает меня... порывистым. Но я могу контролировать себя, клянусь.

Его голос звучал совсем не так, как обычно. Сдавленный, смущенный и... испуганный?..

Ромэйн осторожно прикоснулась к его плечу. Она не понимала Халахэля. Демон, скрывающийся под кожей человека, отличался от нее так же, как домашний пес отличается от волка. То, что казалось ей всего лишь неприятным, но обязательным актом кормления, для него было чем-то сакральным. И как бы Ромэйн ни пыталась прочувствовать это, у нее не получалось.

— Я скучал по этому.

Хэль прильнул щекой к ее пальцам, сжавшим его плечо, и прикрыл глаза. Его ресницы подрагивали, а губы приоткрылись. Взгляд Ромэйн скользнул к вороту его рубашки, и она увидела росчерки краски, край ярких, смелых узоров, испещрявших его грудь.

— У тебя много татуировок, — тихо сказала она, чтобы избежать возникшей после его признания неловкости.

— Они покрывают почти все мое тело, — подтвердил Хэль.

— Значит, ты силен?

— Очень силен, маленькая леди. — Он открыл глаза. — Я ведь уже говорил об этом. Сомневаешься, что я полезный союзник?

— Нет. Просто... Стараюсь понять.

Ромэйн попыталась отстраниться, но Хэль не позволил — успел поймать ее руку, переплел ее пальцы со своими и сжал.

— Задай вопрос.

— Ты рассказал достаточно. На данный момент. — Она вздохнула. — Но это все не то.

Он понимающе кивнул.

— Тебе интересна суть. Твой разум пытается определить меня, потому что прежде ты не встречала подобных... существ. Но, поверь мне, маленькая леди, мы похожи намного больше, чем тебе кажется. Я тоже чувствую, я...

— Не так, как мы. Не так, как люди. — Ромэйн замотала головой. — Тебе нравится, когда кто-то пьет твою кровь и...

— Не «кто-то», — резко прервал Халахэль. — Только ты.

Едва он произнес это, как на верхней палубе зазвонил колокол. Ромэйн вскочила с койки, воспользовавшись этим, и выпалила:

— Нужно поговорить с Фарией и остальными. Мы должны составить план и...

Халахэль смотрел на нее, насмешливо прищурившись.

— Конечно, моя леди. Как прикажешь.

Они собрались в каюте, отдаленно напоминавшей кабинет. Фария сидела за грубым столом, откинувшись на спинку такого же грубого стула. Латиш устроился прямо на полу у стены и выглядел скверно: бледный, осунувшийся, он походил на тень себя прежнего. Он кутался в мешковатую одежду и что-то беззвучно бормотал.

Барниш и Ливр, свежие и бодрые, сидели на сундуке. Ромэйн все еще не привыкла к их новому аккуратному виду: гладковыбритые и причесанные, они больше не походили на бродяг.

Мирай стоял в тени, прислонившись к стене. Сложенные на груди руки, взгляд исподлобья — весь его вид говорил о том, что он не настроен вступать в беседу.

Ромэйн также отметила порядок, окружавший их: кажется, этот кабинет был единственным местом на корабле, до которого не добрались хаос и разбросанная грязная одежда.

— Итак! — Фария хлопнула в ладоши. — Какой у вас план?

— Боюсь, у нас нет плана, — призналась Ромэйн.

— Зато у нас есть демон, — пробасил Барниш. — Демон и дракон, да помогут нам Трое.

— Я доставлю вас на Линос, мы причалим в бухте Утопленных. Но что вы будете делать дальше? — Фария задумчиво хмыкнула. — Вы бывали в Запретном Крае? У вас есть союзники?

Ромэйн покачала головой. Она сгорала от стыда под внимательным взглядом капитана и чувствовала себя идиоткой.

— Зато у нее есть дракон, — прохрипел Латиш.

— Тебе бы к лекарю, — заметил Ливр.

— Лекарь мне не поможет, — отмахнулся плут, еще плотнее закутываясь в грязный плащ. — Как холодно...

— У меня по спине катится пот. — Фария повернулась к нему и осторожно спросила: — Ты знаешь, что с тобой, зверомаг?

— Да. — Латиш ответил твердо, его взгляд с трудом, но все же сфокусировался на лице капитана.

— Это заразно? Не хочу, чтобы какая-то хворь выкосила мою команду.

— Не заразно. Я даже не болен, моя прекрасная смуглая бестия. — Латиш глупо хохотнул, но тут же посерьезнел. — Мне нужно теплое место. Очень теплое. Я хочу зарыться в гору раскаленного угля...

Его речь превратилась в неразборчивое бормотание.

— Какой он странный, — пробормотала Фария, снова повернувшись к Ромэйн. — Итак, у нас нет плана, нет союзников, и вы никогда не бывали в Запретном Крае. Вокруг вечные сумерки, вот-вот орды демонов хлынут в Упорядоченное, а у нас есть сумасшедший зверомаг и... — Ее взгляд метнулся к Халахэлю, застывшему за спиной Ромэйн. — Еще один демон. Который *вроде бы* решил сражаться на нашей стороне.

— Что значит «на *нашей* стороне»? — Голос Мирая, хриплый от долгого молчания, звучал холодно и отстраненно.

А вот Фария, услышав его, наоборот, заметно смягчилась, ее губы даже тронула легкая улыбка.

— А ты думал, что я просто уплыву, бросив вас на растерзание тварям из Фаты, мой нежный цветок лото...

— Не называй меня так.

Поморщившись, Ромэйн посмотрела на Фарию, пытаясь взглядом извиниться за резкость Мирая. Между ними явно произошло что-то плохое, но Хэль советовал не вмешиваться...

— Хорошо, Мирай. — Тяжелый вздох Фарии оказался таким громким, что даже задремавший Латиш встрепнулся, прежде чем снова провалиться в тяжелый сон. — Я помогу вам добратся до Кричащего Города — там вы сможете найти резиденцию костяных певцов и, возможно, заручиться их помощью.

— Ты не должна бросать команду. — Ромэйн покачала головой. — Это слишком. Просто дай нам карту.

— Я хочу пойти с вами. — Фария наклонилась вперед, оперевшись локтями на стол. — Демоны угрожают нам всем, леди, и, если для того, чтобы мои ребята выжили, я должна оставить их и помочь вам, — я сделаю это.

— Жест доброй воли, — промурлыкал Хэль.

— Да, демон. Именно так.

Некоторое время все молчали, обдумывая предложение капитана. Ромэйн старалась сохранять внешнее спокойствие, но ее нутро пылало от презрения к себе.

«Бесполезная. От меня нет никакого толка».

Пальцы Халахэля сжали ее плечо, и она инстинктивно накрыла их ладонью, но тут же опомнилась и отдернула руку.

«Не привязывайся. Не смей привязываться».

Хэль не мог слышать ее мысли, но Ромэйн почувствовала, как он отступил. Вина острым шипом вонзилась в сердце, но она тряхнула головой и стиснула зубы. Она не должна думать о демоне. На кону стоят жизни тысяч людей, и может статься, что Халахэлем придется пожертвовать в бою. Она должна быть готова к этому.

— Значит, решено, — напряженно сказала Ромэйн, глядя на Фарию. — Когда мы доберемся до берегов Линоса?

— Понятия не имею. — Капитан пожала плечами. — Могу только предположить. На корабле есть артефакт, который ведет нас через проклятую темноту, на штурвале висит еще один — он отвечает за навигацию. Мы можем быть уверены, что не напоремся на риф и не собьемся с курса, но я не знаю, где мы конкретно. Как вести счет дням, если солнце не восходит, я еще не придумала.

— Нам нужен кто-то, кто ощущает смену дня и ночи, — прохрипел Латиш. — Например, шаман.

— Шаманы вчера закончились, приходи на следующей неделе, — бросила Фария. — Может, кто-то еще?

Но Латиш уже спал, приоткрыв рот.

— Он точно не сдохнет? — Ливр выглядел обеспокоенным.

— Сказал, что нет, — медленно ответила Ромэйн.

— Не слышу уверенности в твоём голосе. Если дракон отдаст душу Жнецу, мы лишимся последней надежды на победу. — Ливр пригладил седые волосы на висках.

— Последней? — насмешливо уточнил Хэль.

— Ливр доверяет зверомагу и не доверяет демону. — Фария достала из рукава короткий нож и принялась вертеть его в пальцах. — И я его понимаю.

Вздохнув, Ромэйн устало потерла лоб. Бессонная ночь давала о себе знать, но она была рада, что хотя бы мерзкий голод Мориона больше не донимал ее.

— Я там, где хочу быть, — резко бросил Хэль. — И я не обязан ничего объяснять.

— А я не обязана доверять спине кровососушей твари из Фаты, — почти безразлично ответила Фария.

В этот момент Ромэйн ужасно завидовала ее самообладанию.

— Ладно тебе, капитан, он давно прибил к нам и не сделал ничего дурного, — вступился за Хэля Барниш.

— Ты с самого начала был на его стороне, — проворчал Ливр.

— Просто Барниш разбирается в людях, — ввернул Халахэль.

— В демонах, — тут же поправила Фария.

Ромэйн хотелось выйти из кабинета и спрятаться в каюте, но она продолжала сидеть на жестком стуле и слушать перепалку, стараясь не вникать в доводы ни одной из сторон. О какой победе над Лаверном могла идти речь, если она не в состоянии справиться с горсткой людей?

— Хватит, — как можно тверже сказала она. — Хэль идет с нами, нравится вам это или нет. Отказываться от такого союзника как минимум глупо.

— А ты уверена, что он не вцепится тебе в горло? — прямо спросила Фария.

«Скорее я вцеплюсь в *его* горло», — подумала Ромэйн, а вслух сказала:

— Уверена. Я ему доверяю. Мы закончили?

Капитан кивнула, Ромэйн встала со стула и начала разминать затекшие ноги.

— А с ним что делать? — Барниш указал на Латиша.

— Мы унесем его в каюту. — Ромэйн посмотрела на Халахэля. — Поможешь?

— Всегда.

Мирай покинул кабинет капитана первым — открыл дверь и исчез, растворившись в полумраке палубы.

— Он хоть парой слов с кем-то перебросился? — Барниш проводил его тяжелым взглядом.

— Оставьте его. У него есть право злиться.

Ромэйн украдкой посмотрела на Фарию: та выглядела расстроенной, но ее сжатые в тонкую линию губы и приподнятый подбородок кричали о решимости бороться. Она будто бросала вызов тому, что произошло между ней и Мираем, и не собиралась отступать. В глазах, напротив, светились мягкость и... принятие? Фария давала Мираю время, наплевав на то, что его поведение причиняло боль ей самой.

— Не лезь не в свое дело. — Халахэль легко поднял закутанного Латиша и повернулся к Ромэйн.

— Я поняла с первого раза, — вяло огрызнулась она. — Пойдем.

Корабль качало, от неприятного запаха прогорклого пойла и пота, пропитавшего, казалось, всю жилую палубу, Ромэйн затошнило, но она проглотила кислый ком и сумела дойти

до каюты, в которой ютился Латиш. Толкнув дверь, она застыла на пороге и пробормотала:

— Это... даже не каюта.

Крошечная каморка, в которой, должно быть, хранили ведра для уборки. На полу — нечто, напоминавшее свитое из старых плащей гнездо. Запах отвратительный. Низкий трехногий табурет, свеча в ржавом подсвечнике — и больше ничего.

— Почему он живет здесь? — Ромэйн непонимающе посмотрела на Халахэля.

— Больные животные уходят умирать подальше от стаи, — задумчиво произнес он.

— Он не умирает.

— Как посмотреть. Я почти не слышу биения его сердца. Отойди, маленькая леди.

Халахэль вошел в каморку и осторожно положил Латиша в «гнездо». Тот заворочался, приоткрыл глаза и прохрипел:

— Холодно...

— Мы можем согреть его? — Ромэйн огляделась в поисках теплой одежды или одеяла.

Вздохнув, Халахэль начал снимать рубашку.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь согреть нашего зверомага, воробушек. Можешь присоединиться. Не смотри на меня так: он нужен нам живым, верно?

Ромэйн кивнула.

— Мне тоже нужно раздеться?

— Я был бы не против, но нет, маленькая леди, в этом нет нужды. Просто ложись рядом с ним. Если, конечно, не брезгуешь. Здесь скверно пахнет.

— В темнице, где держали мою мать, пахло хуже. — Ромэйн закрыла дверь и присела на край «гнезда». — Просто лечь?

— И попробуй поспать. Ты не сомкнула глаз минувшей ночью.

— Как и ты.

— Я не человек.

— Как и я. Теперь. — Она осторожно забралась под тяжелый плащ и прижалась к Латишу. — Он такой тощий... Я чувствую его ребра сквозь все эти тряпки.

— Не хочешь рассказать, что с ним происходит?

Халахэль улегся на другом краю «гнезда» и заложил руки за голову.

— Он меняет форму, — тихо ответила Ромэйн.

— Так вот что за наросты на его и без того уродливой физиономии... Теперь я понимаю.

Они замолчали. Сон не шел, Ромэйн смотрела на торчащий из груды тряпья нос Латиша и гадала, получится ли у них сохранить жизнь последнему дракону.

«Я ему обещала».

Вскоре на лбу Ромэйн выступил пот — в камерке становилось все жарче. Она расшнуровала рубашку и попыталась выбраться из-под плаща, но вдруг в ее руку вцепились тощие пальцы. Латиш застонал, и ей пришлось лечь на место.

— Это из-за тебя? — тихо спросила Ромэйн, смахивая пот с ресниц. — Здесь нечем дышать.

— Можешь проверить, — предложил Халахэль. — Не бойся, маленькая леди, просто не прикасайся.

Любопытство взяло верх: Ромэйн оперлась на локоть и протянула было руку к Хэлю, но воздух вокруг него оказался настолько горячим, что она вскрикнула от неожиданности.

— Что это?!

— Я, — просто ответил он.

— Еще один демонический трюк?

— *Трюк?* Я похож на ярмарочного заклинателя, закутанного в расшитую звездами хламиду?.. — Хэль тихо рассмеялся. — Ты ведь не думала, что кровавое море тел холодное? Или...

Он тоже приподнялся на локте и с интересом уставился на Ромэйн.

— У меня не было времени думать о том, какая погода в Фате, — буркнула она.

— Море тел горячее. Почти кипящее. Куски плоти не соединяются сами по себе, маленькая леди. Они *сплавляются*.

— Вы выходите из кипящей кровавой каши?.. — Ромэйн передернуло.

— Моря. Это море, а не каша.

— Ты говоришь об этом с нежностью, или мне кажется?

— Ох, Ромэйн, не задавай вопросы, на которые не готова услышать ответ. — Хэль снова лег на спину. — У тебя была мать. Был отец. У меня — только кровавое море. Фата — моя родина, если можно так выразиться. И я люблю мою родину. Со всеми ее... недостатками.

Ромэйн свернулась клубочком и задумчиво разглядывала искривляющийся от жара воздух над Халахэлем.

— Твой внешний вид заставляет меня...

— Не заблуждайся, маленькая леди, — перебил Хэль. — То, что ты видишь перед собой сейчас, всего лишь искусная маскировка. Я не человек, никогда им не был и никогда не стану. Тебе, возможно, хочется верить, что я такой же, как ты, но это не так.

Его голос стал тихим, а тон — почти извиняющимся, будто он сожалел о том, что приходилось говорить.

— Но ведь и я теперь не совсем человек, — напомнила Ромэйн. — Тебя привлекает тварь, в которую я превращаюсь?

— Что тебя интересует? В какой форме спариваются демоны? В какой форме мы влюбляемся друг в друга? В любой, Ромэйн. Демоническая страсть всегда направлена на сущность, а не на форму. Ты прекрасна в любом виде, если хочешь знать.

— Я не хотела.

— Ты лжешь второй раз за день. Я думал, тебя хорошо воспитали. — Хэль тихо рассмеялся.

— А ты!..

Латиш заворочался и навалился на Халахэля, блаженно причмокивая губами.

— Проклятье, — проворчал тот, пытаясь снять с себя звёромага.

— Оставь его. Ему нужно тепло. — Ромэйн пыталась скрыть улыбку.

— Если я и хотел держать кого-то в объятиях, то точно не эту крысомордую скользкую ящерицу, — прошипел Хэль, но оставил попытки сбросить с себя Латиша. — Надеюсь, ты отблагодаришь меня за самопожертвование.

Температура в каморке становилась невыносимой — одежда прилипла к телу, пот катился по спине. Ромэйн села и посмотрела на Латиша: тот прижался к боку Халахэля, цвет его лица больше не был мертвенно-бледным.

— Спать в такой жар я не смогу. Останься с ним, ладно? — Ромэйн поднялась на ноги и накрыла зверомага плащом.

— Я что, камин? — возмутился Хэль.

— Ты знаешь, что дракон нам нужен. Так что да, можешь считать, что ты камин. Сегодня и в каждый из дней, когда Латиш будет нуждаться в этом.

Она вышла из каморки и закрыла за собой дверь. Внутри гадко пульсировала поглощенная сила Мориона: голод накачивал волнами, но Ромэйн могла терпеть его. Пока.

«Почему так быстро?..»

В прошлый раз Хэль кормил ее довольно давно, и не сущностью, а кровью, и ей удалось продержаться все это время. А теперь...

Проглотив кислую слюну, Ромэйн направилась к своей каюте, держась за живот, словно беременная. Вот только в ее теле был не ребенок, а опасная ненасытная сущность, аппетиты которой все время росли.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

